

ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ /
GEOPOLITICAL ISSUES

Серия «Политология. Религиоведение»
2010. № 1 (4). С. 106–115
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 327+91

**География, геополитика, пангерманизм:
у истоков немецкой харизмы**

Е. Ю. Пуховская

Восточно-Сибирская академия образования, г. Иркутск

В статье рассмотрены предпосылки и эволюция историко-философского и политического мышления в Германии во второй половине XIX – начале XX вв. Автор анализирует процессы трансформации географического детерминизма в геополитику (деятельность Ф. Ратцеля), становления идеологии и движения пангерманизма, новой немецкой ментальности, а также их связь с национал-социализмом.

Ключевые слова: география, история, Германия, геополитика, Ратцель, пангерманизм, фашизм, харизма.

Идея географического детерминизма, а вслед за ней и геополитики, определила нерасторжимую связь между географическим пространством и внешней политикой государств и, вместе с протестантизмом, оказала огромное влияние на эволюцию европейского мировоззрения и формирование национальных идеологий. В Германии мировоззренческая эволюция от провиденциализма Бога к природным детерминантам имела особенности вследствие более позднего завершения национально-государственного строительства и замедленных темпов развития капитализма, по сравнению с другими странами Западной Европы. Путь неорганической модернизации сопровождался быстрым ростом немецкого капитализма после 1871 г. (объединение Германии), а также эволюцией политического мышления и формированием новой ментальности в немецком обществе.

Истоки нового, геополитического мировоззрения, ставшего фактом к концу XIX в., обнаруживаются в историко-философских размышлениях о судьбах Германии у самых известных немецких мыслителей. Уже И. Кант (1724–1804) писал о приоритете географии над историей. Природе отводилось важное место в историко-философских построениях Гегеля (1770–1831).

Географ И. Гердер (1744–1803) впервые обратился к изучению системных взаимосвязей между природой и историей, поставил внешнюю политику государства в зависимость от географических факторов. Его идеи получили продолжение в трудах географа К. Риттера (1770–1859), который обосновал нерасторжимую связь между «географическим индивидуумом» (этнос, стра-

на) и его стремлением расширить «естественные» границы в целях самосохранения и развития первоначальной Boden (земля, почва). Впоследствии К. Риттер получит в Германии репутацию «хорошего немца», патриота и гражданина [1].

В процесс формирования новой историко-философской парадигмы органично включились мальтузианские идеи, предоставившие аргументы для «пространственного распространения» немецкого народа, а также идеи социал-дарвинизма о «борьбе видов» (народов и государств) и «естественном отборе». Теоретик германской экспансии Г. Лознис писал: «Любая национальная колониальная политика может стать успешной только исходя из характера муттерланда: при этом принимаются во внимание географическое положение, государственные учреждения, смысл, обычаи, даже предрассудки и их историческое прошлое, потому что для государства так же очевиден закон развития, как и для индивида – способность пережить других» [2].

Известный тезис Ф. Ницше «Бог умер» означал не только антиклерикальную оценку мировоззрения прошлой эпохи. Он фиксировал поиск новой мировоззренческой парадигмы в условиях складывания индустриального общества: объяснение природы и истории, их закономерностей и взаимосвязи. Большое внимание роли природных факторов в истории уделял ранний марксизм. Стагнация этих исследований в трудах его классиков не стала окончательной и позже получила продолжение в теориях немецких социал-демократов, а они, в свою очередь, были использованы идеологами национал-социализма.

Результатом системного научного поиска стала теория Ф. Ратцеля – «отца» немецкой геополитики (труды «Антропогеография» и «Политическая география»). На обширном географическом, этнографическом, демографическом и историческом материале, в анализе которого совместились естественные и гуманитарные науки, ученый разработал теорию о связи географии и истории, географии и внешней политики: Volk (народ) и Staat (государство) «растут», подобно живому организму, и увеличивают Raum (пространство) первоначальной Boden (земля, почва). По Ратцелю, исторические процессы развития народов и государств предопределяют природно-географические факторы (климат, размеры территории, ее местоположение, ландшафт, наличие или отсутствие выхода к морю, изрезанность береговой линии и др.). Возникла новая картина мировой истории, в которой по-новому рассматривались перспективы развития народов и государств мира. Тезис Ратцеля о неизбежности смены мировых лидеров, изученный на историческом материале о переходе колониально-морских приоритетов от Испании и Португалии к Англии, проецировался на грядущий крах Британской империи. Географические параметры «обрекали» на роль нового мирового гегемона Германию.

Первоначально Ратцель не рассматривал свою теорию в прикладном политическом смысле. Однако его идеи и выводы происходили из немецкой и международно-политической истории и современности, на них же и проецировались. Это закономерно привело профессора Ратцеля в политику. Ученый обосновал закономерность германского внешнеполитического экспансиониз-

ма, стал крупным колониальным теоретиком, ярким политическим публицистом, а также членом Национал-либеральной партии, «Колониального союза», «Флотского ферайн», «Альдойче Фербанд» («Пангерманский союз»).

Теория (и биография!) Ратцеля отразила общеевропейский методологический поиск, связанный с отказом от провиденциальной и трансцендентной Истории по воле Бога, с поиском материалистического объяснения мира и законов развития человечества. Научная и политическая деятельность Ратцеля, стремительная политизация немецкой географии, ее причастность к обоснованию внешнеполитической доктрины свидетельствуют о том, что немецкий философско-мировоззренческий поиск не был оторван от социально-политической жизни Германии. Геополитические идеи давали ответы на актуальные *немецкие* вопросы.

Центральное географическое положение Германии в Европе рассматривалось учеными и политиками как достоинство и одновременно как недостаток. Поиск причин продолжительного социально-экономического отставания Германии от Англии и Франции, а затем проблемы «перепроизводства» и «перенаселения», связанные с ускоренным развитием немецкого капитализма, формировали «национальную обиду» и побуждали к поиску «врага». Одновременно формировались мессианские настроения. «Срединная Европа» во главе с Германией превращалась из географической территории в политическое пространство. Оно становилось гипотетической основой для построения немецкой «Срединной Африки» и бескомпромиссной борьбы за «место под солнцем» (выражение канцлера Б. Бюлова из программной речи в рейхстаге) в период завершения борьбы западных держав за раздел мира.

Западноевропейские теоретики и политики в XIX – начале XX вв. подразделяли войны на «справедливые» и «несправедливые» (вспомним аналогичную ленинскую градацию). «Справедливые» войны соотносились с территориальным прогрессом «культуры» и «цивилизации». Напротив, «несправедливые» войны «дикарей» не проецировались на прогрессивное «изменение пространства». Научные тезисы немецких географов приобретали откровенно политический смысл: «расти или зачахнуть» (обоснование экспансии), «ответ категорический – да!» (о целесообразности колонизаций). «Закон пространственного роста народов» Ратцеля предполагал, что рост численности населения изменяет отношение «народа» к «пространству». «Культурный» народ в своем «пространственном распространении», в том числе, через войны, способствует прогрессу [3].

В Германии формировалось мнение о «союзе» географической науки и колониальной политики как основе и способе обеспечения благополучия нации и рейха. Географические общества превращались в политические организации. Ратцель положил начало идеализации и героизации немецких ученых-географов, колониальных первопроходцев. «Мыслящая элита» способствовала популяризации и распространению новых идей среди молодежи, а затем и шире – в масштабе всего немецкого общества. Впоследствии геополитик нацистской Германии К. Хаусхофер причислил своего научного предшественника Ратцеля к «великим немцам», отметив «чувство обязанности преподава-

теля высшего учебного заведения своевременно принимать участие в формировании общественного мнения через прессу и в лекциях» [4].

Интеллектуальная элита Германии сыграла огромную роль в формировании националистических и милитаристских настроений. «Патриотический» лозунг о «пространственном распространении» интерпретировался как способ «обороны». В немецком обществе распространялись различные фобии. Известный ученый, философ и экономист В. Зомбарт написал одиозное произведение «Герои и торговцы», в котором «героями» выступали немцы, а «торговцами» – англичане.

Выдающиеся немецкие достижения в философии, музыке, литературе, изобразительном искусстве политизировались, интерпретировались с позиций расовой «исключительности» немцев, становились дополнительным аргументом для обоснования мессианско-цивилизаторской роли Германии в мире. Уже в начале 1880-х гг. Ф. Ницше фиксировал наличие в немецком сознании идеи «Германия превыше всего!» [5]. Ницшеанство отразило усиление этатизма в немецком мировоззрении, рост интереса к «немецкой идее» и «немецкому духу», т. е. потребность в национально-государственной самоидентификации. Немецкие идеологи использовали и этические императивы: внешняя экспансия понималась как «вопрос культуры», когда Германия выполняет «национально-нравственное обязательство». Географические объекты «обязательств» располагались по всему миру – в Европе, Африке, России, Южной Америке, Австралии, Океании [6].

Пангерманизм, как идеология, был общественно-политическим и радикально-экстремистским производным от немецкой географии и геополитики, от социальных и политических проблем. На пангерманизме замкнулся разнонаправленный поиск новой немецкой идентичности после 1871 г., в его идеологии совместились патриотизм и национализм, оформилась первичная немецкая харизма.

Рождение «Альдойче Фербант» состоялось в 1891 г. как реакция на свертывание колониальной политики и «пространственное распространение» Германии в канцлерство Л. Каприви. Союз финансировали крупнейшие германские промышленно-финансовые магнаты – Крупп, Стиннес, Кирдорф. Основатель союза А. Гугенберг декларировал: «Взгляд немецкого буржуа следует направить за море». Другой альдойче и колониальный деятель – К. Петерс, выступая за движение немцев за океан, писал: «Миллионы нуждающихся людей могли бы найти там новую родину под национальным флагом» [7]. Таким образом, альдойче изначально взяли курс на консолидацию немецкого общества, полагая, что активная внешняя политика проводится в интересах *всех* слоев и социально-профессиональных групп Германии.

Членами «Альдойче Фербант» стали депутаты рейхстага, представители различных политических партий, предприниматели и банкиры, юнкеры и военные, профессора и учителя, юристы и духовенство, писатели и журналисты, т. е. самая образованная и социально влиятельная часть немецкого общества, его верхние и средние слои. К началу XX в. численность альдойче составляла 22 тыс. человек, фракция из 32 членов организации заседала в

рейхстаге [8]. Имела значение не только численность алльдойче, но их профессиональная деятельность среди всех слоев немецкого общества.

Идеологи союза, в частности, профессор Э. Хассе, претендовали на общенемецкое национально-народное и патриотическое представительство, подчеркивали «надпартийность», «народность», «национально-немецкий дух» своей организации. Нередко эпатируя общественное мнение и забегая вперед во внешнеполитических инициативах, по отношению к правительству, «Алльдойче Фербанфт» апеллировал к «немецкому национальному достоинству». Обладая прочными позициями в школах и университетах, алльдойче целенаправленно влияли на формирование мировоззрения молодежи. Демагогические и реальные аргументы в пользу внешней экспансии находили отклик в немецком обществе, многие социальные страты которого оказались незащищенными в условиях бурного экономического роста. Новое место Германии в Европе и мире, острота социальных проблем пробуждали интерес немецкого обывателя к новым способам самореализации.

В 1897 г. «Алльдойче Фербанфт» опубликовал программный документ – «Историческое обоснование немецкого национального самосознания». Главные идеи формулировались предельно четко и одновременно эмоционально: «Направление нашего политического развития ... требует материального и духовного расширения государства и распространения его власти вширь, а также расселения немцев ... за черно-красно-белые столбы, за моря, по всему земному шару» [9]. Идеологи-алльдойче преодолели внешнеполитический дуализм, неразрешимый для дипломатов (континентальная или колониальная политика), и призвали к воссоединению континентально-европейской и заокеанской стратегий. Основой новых подходов становилась силовая политика.

Алльдойче рассматривали «Срединную Европу» как исходный плацдарм для «пространственного распространения» по всему миру. Утопические проекты идеологов «Алльдойче Фербанфт» эпатировали немецкое общество, но также способствовали его консолидации, вне зависимости от места индивида в социальной стратификации. Этому отвечали заявления, в которых говорилось: «Если мы хотим упрочить положение в качестве мировой державы, мы должны тем или иным путем расширить основы своего национального существования» [10]. Показательно выражение «тем или иным путем», смысл которого в контексте внешнеполитического курса и милитаризации Германии очевиден.

Пропагандистская работа алльдойче во многом предвосхитила и дала теоретическое обоснование новому внешнеполитическому курсу германского правительства. Политический экстремизм и радикализм теоретиков «Алльдойче Фербанфт» постепенно сглаживались на фоне стремительного роста германской экспансии, в рамках внешнеполитического курса правительства, и политизации массового сознания. Марокканский кризис в начале XX в. обозначил совпадение позиций правительства и алльдойче.

Профессионально-политическое и массовое сознание смыкались в понимании закономерности и целесообразности войн для обеспечения Германии и немцам «справедливого» положения в мире. Высказывание кайзера

Вильгельма II, снискавшее ему репутацию «нового Чингиз-хана», получило позитивное общенемецкое звучание: «Там, где немец пал, верно выполняя свой долг фатерланду, и лежит похороненный в земле, где немецкий орел обрел свою добычу, земля эта – немецкая и немецкой останется» [11].

Консолидация немецкого общества на базе единого понимания национальных и внешнеполитических задач укреплялась. Во время войны на юге Африки 1899–1902 гг. алльдойче действовали в защиту «братьев-буров» уже совместно с партиями консерваторов и национал-либералов, в рядах буров сражались немецкие добровольцы. Известные немецкие социал-демократы, например В. Либкнехт, видели в германском колониализме способ привнесения «культуры» и «цивилизации» отсталым народам мира для прогрессивного продвижения их к общему с немцами социалистическому будущему.

Национально-патриотические (националистические) песни «Германия, Германия превыше всего!», «Вахта на Рейне», «Прочная крепость» все громче звучали в Германии и выражали нарастание милитаризма, национализма и расизма в немецком обществе. Ментальная уверенность в своей «немецкой исключительности» сочеталась с эмоционально-агрессивной франкофобией, англофобией, русофобией на всех социальных и политических уровнях. Вильгельм II публично выражал готовность «дать по физиономии англичанам». Немецкие морские офицеры поднимали в кают-компаниях традиционный тост «за тот день» (день объявления войны Англии). Рабочие Гейдельберга избили играющих в футбол (британский спорт) немецких студентов, приняв их за англичан. В 1912 г. немецкий школьник в сочинении написал: «В какую эпоху новейшей истории мы не заглянем, повсюду воздух наполнен войной и грохотом войны». Юноша выразил убеждение в наличии у Германии «многочисленных врагов» и в своей готовности помочь любимому фатерланду. Потрясенный масштабами англофобии в Германии английский король Эдуард VII сказал кайзеру Вильгельму II: «Эти люди, видимо, свихнулись и ведут себя как сумасшедшие» [12].

Отношение немца-политика и немца-обывателя к славянам и славянской государственности варьировалось от снисходительного патернализма до готовности привнести «цивилизацию» насильственно-военным путем. Идеологи алльдойче разработали проект колонизации западных и южных территорий Российской империи. Острота польско-германских отношений также имела выраженную расовую подоплеку. От «натиска на восток» времен Средневековья через Новое время, с его немецким делением народов на «исторические» и «неисторические», пролегал путь к новому и системному восприятию славянства через его расовую и культурную «неполноценность».

Коренное население германских колоний в Африке и Океании рассматривалось как объект «культурной колонизации». Колониальные земли имели репутацию «ничейных», оценивались с точки зрения их экономических и демографических (заселение немцами) перспектив. Немецкие колониальные теоретики считали, что колонии необходимы для «повторения нашего собственного культурного развития на новой земле» [13]. Восприятие «туземного общества» как «бескультурного и «дикого» становилось основой расизма. В

колониях Германии существовали две морали с разными императивами, два стандарта поведения: для немцев (европейцев) и аборигенов. И то, что считалось преступным или безнравственным по отношению к представителю «цивилизованной расы», не рассматривалось в качестве такового по отношению к «туземцу». В немецких колониях широко применялись телесные наказания, не считалось уголовным преступлением убийство аборигена, использовалось сексуальное принуждение по отношению к женщинам-аборигенкам, применялся детский и рабский труд.

Усилиями власти, политических партий и общественно-политических организаций, включая «Алльдойче Фербандт», в немецком обществе формировались милитаристские и националистические настроения, представление о «народности» и «цивилизаторской» миссии внешней и колониальной политики. Немецкий обыватель и политик рассматривали войну как путь и способ восстановления «справедливости» для немецкого народа, преодоления «зажатости» в центре Европы, победы над «врагами».

Направленность эволюции немецкого общественно-политического и национального сознания отчетливо видна уже в событиях января 1894 г., когда «примирение» канцлера в отставке О. Бисмарка и кайзера Вильгельма II толпа приветствовала пением «Германия, Германия превыше всего!». Даже «благочестивые немцы», как писал в воспоминаниях министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф, исходили из неизбежности войн [14]. В 1914 г., после объявления войны, толпы в немецких городах пели «Возблагодарим Господа!».

Политический фатализм проецировался на франко-германские, русско-германские, англо-германские противоречия и не был пессимистичен для немца. В ходе войн в Европе и за океаном Германии «немецкий Михель», по выражению канцлера Б. Бюлова, должен был завоевать и обрести «достойное» место в мире. «Алльдойче Фербандт» с его программой территориального расширения Германии и расселения немцев по всему миру переводил ментальное ощущение национальной самодостаточности в ощущение национального превосходства, способствовал формированию немецкой харизмы и представления о мессианской роли Германии и немца в грядущем мироустройстве. Действия идеологов и рядовых алльдойче отличали решительность и бескомпромиссность, радикализм и экстремизм, нагнетание эмоциональной экспрессивности вокруг понятий «немцы», «немецкая нация», «национальные интересы» и т. д.

Геополитическая риторика широко использовалась в политико-дипломатической практике. Б. Бюлов констатировал, что «наше географическое положение довольно опасно». Его преемник Т. Бетман-Гольвег, при обосновании внешнеполитической экспансии, ссылаясь на права «растущего организма». Глава Колониального ведомства Б. Дернабург заявлял, что немцы несут «знак народа мыслителей и поэтов» и уже потому должны «маршировать во главе культурных наций». Это совпадало с лозунгами «Алльдойче Фербандт» о Германии как «естественном географическом и культурном лидере Европы» [15].

Таким образом, в немецком мировоззрении в течение второй половины XIX – начале XX вв. оформились принципиально новые идеи. Они установили новую систему взаимосвязей и взаимозависимостей между природой и обществом, природой и государством, природой и внешней политикой, по-новому определили роль Германии и немцев в мире. Ранее самостоятельные науки – география и история – оказались неразрывно связанными и наполнились футурологическим смыслом. Природно-географические параметры *Vorden* и *Raum* стали определять культурно-цивилизационный и национально-государственный потенциал *Volk* и *Staat*. Теория Ратцеля, проекты «Альльдойче Фербандт», программы немецких политических партий, внешнеполитический курс германского правительства дали ответ немцам из разных социальных страт на насущные вопросы современности, определив мессианскую роль немецкой нации и особое место Германии в грядущем мировой сообществе.

Крах германского «второго рейха», которому отводилась роль продолжателя средневековой «Священной Римской империи германской нации» («первый рейх»), обозначил Версальский договор 1919 г. Но он не был воспринят как окончательный приговор ни немецкими идеологами, ни немецкими политиками, ни немецким народом. Возрождение и упрочение немецкой харизмы в период между двумя мировыми войнами способствовало тоталитарному перерождению немецкой государственности.

Идея «третьего рейха», провозглашенная НСДАП и изложенная в немецком политическом бестселлере «Майн Кампф» А. Гитлера, означала возрождение и продолжение идеологии «Альльдойче Фербандт» и возвращение к экспансионистским проектам времен Первой мировой войны. Скромная, по интеллектуальному потенциалу, и эпигонская, по отношению к идеологии альльдойче, концепция «Майн Кампф» предложила немцам идею «расово-арийской исключительности», вновь обратила немецкий народ к поиску «врагов» и обозначила общность немецких интересов и целей, вне зависимости от места в социальной стратификации.

Немецкий *Übermensch* (высший человек, сверхчеловек) противопоставлялся *Untermensch* (низший человек, недочеловек), применительно к другим расам и национальностям. Немецкая харизма возродилась и вновь наполнилась националистическим смыслом.

Личность и творчество Ф. Ницше «приватизировались», интерпретировались и фальсифицировались в духе идеологии национал-социализма. Заслуги основоположника «политической географии» Ратцеля в фашистской Германии всемерно превозносились, его научное и политическое наследие изучалось в Геополитическом институте, который возглавлял К. Хаусхофер.

Опыт работы с детьми, подростками и молодежью времен кайзеровской Германии был широко использован функционерами НСДАП.

Среди современных политологов Запада существует точка зрения, что объединение Германии и символическое падение Берлинской стены могут стать в перспективе основой «четвертого рейха», «хранителями» идей которого выступают немецкие неофашисты.

1. *Ratzel F.* Politische geographie oder Geschichte der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Munchen-Berlin, 1906. S. III.

2. *Loehnis H.* Europeischen Kolonien. Bohn, 1881. S. 82.

3. *Passarge S.* Deutsche Kolonialreich. Bd. T. 1. Leipzig und Wien, 1914. S. 286; *Ratzel F.* Anthropogeographie. 2 Aufl. Stuttgart, 1899. S. 229, 237, 239.

4. *Haushofer K.* Friedrich Ratzel. Die Grossen Deutschen. Bd. IV. Berlin, 1936. S. 205.

5. *Нущие Ф.* Веселая наука // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 702.

6. См.: *Loehnis H.* Europeischen Kolonien... S. IV.

7. *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes, 1890–1939. Wiesbaden, 1954. S. 8; Emin Pascha Expedition // Die Deutsche Kolonial Politik in Dokumenten. Leipzig, 1938. S. 367.

8. *Raschdau L.* Unter Bismarck und Caprivi. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten aus den Jahren 1885–1894. Berlin, 1939. S. 239.

9. Die geschichtliche Berechtigung des deutschen Nationalbewusstsein. Berlin, 1897. S. 20.

10. *Rorbach P.* Война и германская политика : пер. с нем. М., 1915. С. 78.

11. Цит. по: *Class H.* Die Bilanz des neuen Kurses. Berlin, 1903. S. 25.

12. *Biulov B.* Воспоминания : пер. с нем. М. ; Л., 1935. С. 66, 141, 156, 203, 212; *Levitin S. A.* Милитаризация юности в Германии и других странах Европы. С. 60.

13. *Bottger.* Die neue Aera der deutschen Kolonialpolitik. Berlin, 1907. S. 5.

14. *Lamzdorf V. N.* Дневник, 1894–1896. М., 1991. С. 22, 44.

15. *Dernburg B.* Zielpunkte des Deutschen Kolonialwesens. Berlin, 1907. S. 3–5.

1. *Ratzel F.* Politische geographie oder Geschichte der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Munchen-Berlin, 1906. S. III.

2. *Loehnis H.* Europeischen Kolonien. Bohn, 1881. S. 82.

3. *Passarge S.* Deutsche Kolonialreich. Bd. T. 1. Leipzig und Wien, 1914. S. 286; *Ratzel F.* Anthropogeographie. 2 Aufl. Stuttgart, 1899. S. 229, 237, 239.

4. *Haushofer K.* Friedrich Ratzel. Die Grossen Deutschen. Bd. IV. Berlin, 1936. S. 205.

5. *Nietzsche F.* Cheerful science // 2 Volumes Edition. M., 1990. Vol. 1. P. 702.

6. См.: *Loehnis H.* Europeischen Kolonien... S. IV.

7. *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes, 1890–1939. Wiesbaden, 1954. S. 8; Emin Pascha Expedition // Die Deutsche Kolonial Politik in Dokumenten. Leipzig, 1938. S. 367.

8. *Raschdau L.* Unter Bismarck und Caprivi. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten aus den Jahren 1885–1894. Berlin, 1939. S. 239.

9. Die geschichtliche Berechtigung des deutschen Nationalbewusstsein. Berlin, 1897. S. 20.

10. *Rorbach P.* The War and German policy. Transl. from Germ. M., 1915. P. 78.

11. Quotation on: *Class H.* Die Bilanz des neuen Kurses. Berlin, 1903. P. 25.

12. *Biulov B. B.* Recollections. Transl. from Germ. M. ; L., 1935. P. 66, 141, 156, 203, 212; *Levitin S. A.* The youth militarization in Germany and others Europeans countries. М., В. P. 60.

13. *Bottger.* Die neue Aera der deutschen Kolonialpolitik. Berlin, 1907. S. 5.

14. *Lamzdorf V. N.* Diary, 1894–1896. М., 1991. P. 22, 44.

15. *Dernburg B.* Zielpunkte des Deutschen Kolonialwesens. Berlin, 1907. S. 3–5.

Geography, Geopolitics, pan-Germanism: at the Origins of German's Charisma

E. Y. Pukhovskaya

East Siberian Education Academy, Irkutsk

In the article the historical, philosophical and political consciousness in Germany in the second half of the XIX and first part of the XX century are regarded. The author analyses the processes of geography determinism transformation into geopolitics (in the F. Ratzel's studies), formation of the ideology, pan-Germanism movements, and new German mentality likewise their relation to national-socialism.

Key words: geography, history, German, geopolitics, Ratzel, pan-Germanism, fascism, charisma.

Пуховская Елена Юрьевна – доктор исторических наук, профессор Восточно-Сибирской академии образования, г. Иркутск   *Pukhovskaya Elena Yuriavna – Doctor of Historical Science, Professor, East Siberian Education Academy, Irkutsk*